УДК 321.61

# ДВОРЦОВЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ УТВЕРЖДЕНИЯ АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХИИ В РОССИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

**Коршунова Надежда Владимировна,**
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
исторический факультет,
заведующий кафедрой отечественной истории и права,
доктор исторических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: korshunovanv@cspu.ru

*Аннотация*
В статье анализируются причины и последствия политических заговоров и переворотов в истории России XVIII – начала XIX вв. Рассматривается проблема утраты авторитета верховной власти на протяжении указанного периода при сохранении абсолютной монархии. В течение всего XVIII и в начале XIX в. не единожды ставился вопрос о политических реформах, но он так и не получил своего разрешения.

*Ключевые понятия:*
дворцовый государственный переворот, престолонаследие, заговор, цареубийство, политическая элита, Петр I, Екатерина II, Павел I.

Политическая история XVIII в. получила название периода «дворцовых переворотов», «дворских бурь», «революций» [7]. Само наименование этих событий, их хронологические рамки и последствия вызывают много споров. Как бы мы ни определили их – государственный или дворцовый переворот, «революция», «возмущение», удар – суть от этого не меняется.

Понятие «Дворцовый переворот» впервые употребил С.М. Соловьев [11, с. 12], широко известен он стал благодаря В.О. Ключевскому, который назвал события со смерти Петра I до воцарения Екатерины II «эпохой дворцовых переворотов» [8, с. 236, 238]. Большинство современных исследователей относят к этому периоду вступление на престол Александра I и даже восстание декабристов. Не вдаваясь в детали этого спора, достаточно подробно представленного в историографии, отметим, что работ, посвященных теоретическому анализу природы политической нестабильности XVIII – начала XIX в., крайне мало. Конечно, такие современные исследователи, как Е.В. Анисимов, А.Б. Каменский, А.Н. Медушевский, М.А. Бойцов, И.В. Курукин анализировали отдельные причины переворотов. Авторы обозначили, что это была «плата за реформы Петра I». Однако в чем она заключалась, ответа не найдено. Более того, совсем не ясно, как и почему за реформы Петра I заплатил, например, император Павел I, который издал новый Указ о престолонаследии.

При императоре Петре I был официально закреплен статус монарха в ряде документов, в частности, в толковании к 20-му артикулу Воинского устава (1716 г.) говорилось: «… Его Величество есть самодержавный Монарх никому на свете в своих делах ответ дать не должен; но и силу власть имеет свои Государства и земли, яко Христианский Государь по своей воле и благомнению управлять». В доказательство данного права монарха Петр I издает Указ о престолонаследии, где отменяются какие-либо правила престолонаследия, кроме воли действующего монарха.

Помимо законодательного, верховная власть получила еще и идеологическое обоснование в «Правде воли монаршей» Феофана Прокоповича. В этом документе дается объяснение природы монаршей власти согласно Св. Писанию и теории общественного договора и, как следс-

твие, обоснование принятия вышеназванного указа. Феофан Прокопович трактовал природу верховной власти, оперируя понятиями «естественной природы», «естественного состояния» и «естественного закона». Согласно данному документу, русские заключили между собой «общественный договор», передав властные полномочия монарху. Русский государь получил власть согласно народной воле: «согласно вси хощем, да ты [царь – Н.К.] к общей нашей пользе владеши над нами вечно, т.е. понеже смертен еси, тогда по тебе ты-же сам впредь да и оставляши нам наследного владетеля, мы же единожды воли наши совлекшеся, никогда же оной впредь, ниже по смерти твоей, употребляти не будем, но как тебе, так и наследникам твоим по тебе повиноваться клятвенным обещаниям одолжаемся и нашим по нас наследников долженством обязуем». Следовательно, монарх в России обладает не только личной автономной властью, но и имеет право назначать себе наследников.

Таким образом, «Правда воли монаршей» предполагает следующие основные постулаты монархической власти: первое, верховная власть имеет всенародную пользу, даже если народу это не нравится, лишь бы не было «народу вредно и воли Божьей не противно». Второе, народ должен беспрекословно повиноваться своему государю: «без прекословия и роптания вся от самодержца повелеваема творить». Третье, народ не может судить своего государя, так как самодержавная власть «есть неподвижная, никакому же суду человеческому не подлежащая и весьма неприкосновенная». Наконец, четвертое, народ ничего не может приказать своему государю: «не может народ повелети что-либо монарху своему» [9].

Таким образом, в «Правде воли монаршей» верховная власть впервые задумалась об обосновании перед своими подданными собственных пределов и полномочий. Возникает вопрос – почему? Кто адресаты новых идей? Зачем императору доказывать, что он может управлять самодержавно? Вероятнее всего, проблема была в другом. Серьезно реформируя всю политическую систему России, Петр I остро почувствовал самое слабое место неограниченной власти монарха – наследование этой власти не идейным, а исторически данным наследником. Этот наследник далеко не всегда может захотеть продолжать дело своего родителя и даже способен выступить против него. Петр I принимает радикальное решение – заменить законную форму передачи верховной власти на завещательную. Монарх, правитель, реформатор «выращивает» себе наследника, естественно, из ближайшего окружения, имеющего кровнородственные связи и передает ему престол. Возможно ли такое? История доказала, что нет.

Положение и широта власти монарха при отсутствии каких-либо законных рычагов воздействия на верховную власть определяется, прежде всего, наличием у него социальной опоры. Так, в рамках формирования нового государства Петр I серьезно реформировал механизм государственной службы, окончательно закрепив приоритет выслуги перед родом. Теперь статус представителей правящего сословия стал зависеть не от знатности рода, а от «полезности» государю и государству. Этому же процессу способствовало стирание граней внутри высшего сословия, названного Петром I шляхтой, а затем получившего официальное наименование – благородное дворянство. Как известно, в марте 1714 г. по известному указу царя «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» (известный указ «О единонаследовании») вотчина и поместье были юридически уравнены. Поместное жалование полностью было заменено денежным, а все шляхтичи (и бояре, и дворяне) должны были служить государю, причем с рядовых, постепенно поднимаясь по служебной лестнице.

Однако у этой системы была и оборотная сторона. Как судьба каждого дворянина зависела от благосклонности царя, так и судьба монарха зависела от преданности высшего, служилого сословия. Здесь необходимо заметить, что облик дворянина за первую половину XVIII в. претерпел некоторые изменения. Обязательность государевой службы, введенная Петром I, заставила дворянских недорослей надеть мундир, получить хотя бы скудное образование и «прикоснуться» к государственным делам. Радикальные преобразования Петра Алексеевича требовали преданных исполнителей, «новых» чиновников, в роли которых и выступило «новое дворянство» или шляхта. Они, с одной стороны, были лично всем обязаны царю, с другой – были свободны от старых (местнических) традиций, учи-

лись и начинали мыслить и действовать самостоятельно.

Сложная ситуация с престолонаследием, образовавшаяся после смерти Петра I, еще более усилила ее значение. Опираясь на гвардейские полки, А.Д. Меншиков обеспечил приход к власти Екатерины I; отсутствие понимания и поддержки гвардейского офицерства у членов Верховного Тайного совета позволили Анне Иоанновне отвергнуть уже подписанные «Кондиции»; Елизавета Петровна, выросшая на глазах у гвардейских офицеров, крестившая их детей, легко увлекла за собой гвардию на свержение законного (пусть и годовалого) монарха. Служба в гвардии была очень престижным, но совершенно не выгодным в материальном смысле делом. Жизнь в столице среди императорского двора требовала больших затрат, которые никоим образом не покрывало жалование. Поэтому гвардейскими офицерами становились, как правило, представители достаточно состоятельных фамилий, новой или старой аристократии. В материальном смысле они не зависели от престола. Более того, учитывая частые «дворцовые перевороты», считали, что монархи зависят от преданности гвардии. Все эти факторы способствовали формированию особого самосознания гвардейского офицерства, своего рода «сливок» российского дворянства, – это повышение собственных потребностей и учет своих прав, формирование механизмов их защиты. Поэтому, когда вчерашние гвардейские офицеры получали государственные должности, у них отчасти сохранился дух прежней «вольности» или самосознания значимости собственной личности.

В то же время эта непростая ситуация способствовала тому, что впервые открыто был поставлен вопрос о политических реформах. Правда, первоначально преобразования проводились весьма своеобразными методами. Наиболее характерен здесь пример, рассказанный Н.П. Вильбоа: «Канцлер и другие сенаторы не соглашались с Меншиковым [короновать Екатерину Алексеевну, жену Петра I – Н.К.] и желали возвести на престол внука Петра I. Видя себя стесненными и угрожаемыми Меншиковым, они хотели требовать мнения Сената, также некоторые предлагали отворить окно и спросить у народа, толпами собравшегося около дворца, но Меншиков ввел в залу вооруженных офицеров, бывших в передней, и не допустил открыть окно, говоря хладнокровно, что «на дворе не лето» и что лучше всего передать власть Екатерине и немедленно отправить к ней делегацию с известием о том, что и было исполнено, так что никто не осмелился более противоречить» [4, с. 33].

Таким образом, разрушая традиции, Петр I выбил и социальную опору из-под монархии – боярскую аристократию, а новая политическая сила только начала формироваться, но при этом служилое дворянство, гвардейское офицерство видели в правителе всего лишь человека, пусть и наделенного высшей властью. Исчезла сакральность монархии. Более того, учитывая частые «дворцовые перевороты», считали, что монархи им обязаны троном. Поэтому стал возможен переворот 1762 г. в пользу Екатерины II, которая не имела никаких прав на престол. Фактически это был первый «харизматичный» лидер на российском политическом олимпе. Конечно, своеобразным гарантом ее власти был сын, наследник. Екатерина II при вступлении на престол включила «цесаревича Павла Петровича» в текст присяги, как бы легализуя свою власть.

Отношения матери с сыном, императрицы Екатерины II с великим князем Павлом Петровичем, складывались сложно. Он не был ее идейным наследником. Прагматичная Екатерина II, не допускавшая великого князя Павла Петровича до управления страной, не могла не задумываться о будущем. М.М. Сафонов, посвятивший монографию анализу вопроса, было ли завещание императрицы Екатерины, отмечает, что еще в начале царствования она сделала набросок Указа о престолонаследии [10]. В этом небольшом отрывке Екатерина II указывает: «1) Называть сей закон императорской статьей Екатерины Второй; 2) Императорский престол не может быть порожен; 3) По смерти моей, сын мой наследует; 4) По сыне моем, если старшему сыну его двадцать один год миновало, то сей старший сын наследует, если же он менее двадцати лет с годом, то короновать мать его, пока царствует во всю жизнь ея, ибо от малолетства самодержца империи было бы опасно; 5) Если б мужское колено пресеклось, то старшая дочь; 6) …»[6, с. 385]. По сути этот указ – оправдание захвата власти, гарантом которой был великий князь. Поэтому дальше небольшого наброска дело не пошло. Екатерина II укрепила свою власть и снова задумалась о законодательном закреплении передачи престола. К 80-м гг. XVIII в. относится еще один проект манифеста о престолонаследовании, найден-

ный историком В.А. Григорьевым только в 1914 г. В нем императрица предлагала передавать престол по мужской линии и наследником самой Екатерины II напрямую назывался цесаревич Павел Петрович. Н.К. Шильдер довольно подробно описывает совещания, которые, по его мнению, проводила Екатерина II с великим князем Александром Павловичем, пытаясь получить от него согласие на приход к власти в обход отца, однако никаких ссылок на источники своей информации не приводит, кроме ссылок на камер-фурьерские журналы, которые повествуют о встречах Екатерины II и Александра Павловича. И не более [12, с. 240–249]. Итак, завещания нет, и Павел Петрович вступил на престол после скоропостижной смерти императрицы Екатерины.

Физическое укрепления династии и принятие императором Павлом I закона о престолонаследии, казалось бы, должны были положить конец всем переворотам. Тем не менее в начале XIX в. происходит то, что даже в бурном XVIII в. было сложно себе представить – организуют заговор и убивают законного монарха, правившего не один год. Среди объективных причин, почему такое вообще стало возможным, явилось изменение места, роли, статуса монарха в России. Царь, самодержец, помазанник Божий в XVII в. стоял столь высоко над своими подданными, что никому из родовитого боярства не могло прийти в голову сместить, а тем более убить царя, занимающего свое, объективное, место в государственной иерархии. Петр I получил титул императора, но при этом низверг монарха из «полубога» в «человека». А человеку свойственно ошибаться, особенно когда около него нет какого-либо легитимного совета, органа, признаваемого политической элитой, который имел бы право совместно с монархом управлять страной и при этом нести ответственность за принимаемые решения. Отсутствие объективных факторов, обеспечивающих стабильность власти, делают ее заложницей политической случайности и субъективизма.

Управление, тем более страной, имеет свои законы, которые вывел и обосновал Макс Вебер. Политические реалии России XVIII – начала XIX в. это только подтвердили, когда при отсутствии механизма передачи власти в рамках признаваемой политической элитой традиции престол получила не имеющая на него, но обладающая харизмой Екатерина II. В то время как законный наследник престола, император Павел I, не смог сохранить свою власть и был убит заговорщиками. Это при том, что не было проблем, связанных ни с наличием прямых наследников по мужской линии, ни правового вакуума, так как Павел I издал Указ о престолонаследовании.

Природу политических переворотов и заговоров можно определить в следующем: отсутствие признаваемой и принимаемой новой политической элитой механизма или традиции передачи верховной власти. Появление чиновничества, выслуживших чины офицеров коренным образом поменяло расстановку сил на вершине власти. Новые аристократы были преданы конкретному правителю, а не монархической идее в целом. При отсутствии каких-либо рычагов воздействия на правителя оставался единственный способ «донести» свои мысли и чаяния – осуществить переворот.

Безусловно, перевороты и заговоры XVIII – начала XIX вв. были наследием модернизационных реформ Петра I, но не «платой за них», а следствием незавершенности процесса политической трансформации при переходе от традиционного к бюрократическому, индустриальному обществу. Меняя форму и тип формирования политической элиты, необходимо было реформировать и саму верховную власть. Замысел императора Петра I, что правитель может свободно передать трон достойному наследнику, оказался обреченным на провал. Альтернативной традиционному лидерству могла быть только узаконенная форма избрания правителя, например, конституционная монархия. Однако особенности формирования российской государственности, тип политической элиты и иные причины не позволили решить проблему стабильности верховной власти именно в этом ключе, что и привело к череде «дворцовых переворотов», цареубийств, загадочных смертей монархов и, в конечном итоге, к свержению самодержавия.

1. Анисимов, Е.В. Россия в середине XVIII в.: Борьба за наследие Петра [Текст] / Е.В. Анисимов. М.: Мысль, 1986. 239 с.

2. Бойцов, М.А. «Клии страшный глас...» [Текст] / М.А. Бойцов // Со шпагой и факелом: Дворцовые перевороты в России 1725–1825. М.: Современник, 1991. С. 5–20.

3. Вебер, М. Избранные произведения [Текст] / М. Вебер: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

4. [Вильбоа, Н.П.] «Из краткого очерка или Анекдотов о жизни князя Меншикова и его детях» [Текст] / Н.П. Вильбоа // Со шпагой и факелом: Дворцовые перевороты в России 1725–1825. М.: Современник, 1991. 590 с.

5. Волкова, И.В. Феномен дворцовых переворотов в политической истории России XVII–XX вв. [Текст] / И.В. Волкова, И.В. Курукин // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 40–61.

6. Екатерина II. Отрывок собственноручного чернового проекта манифеста Екатерины II о престолонаследии [Текст] // Русская старина. 1875. Т. 12. № 2. С. 385.

7. Курукин, И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. [Текст] / И.В. Курукин. Рязань, 2003. 570 с.

8. Ключевский, В.О. Сочинение в 9 т. [Текст] / В.О. Ключевский. Т. 4. М.: Изд-во «Мысль», 1989. 400 с.

9. Прокопович, Ф. Правда воли монаршей // ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. VII. № 4870.

10. Сафонов, М.М. Завещание Екатерины II. [Текст] / М.М. Сафонов. СПб.: ЛИТА, 2001. 312 с.

11. Соловьев, С.М. Сочинения в 18 кн. [Текст] / С.М. Соловьев. Кн. XI. М.: Мысль, 1993. 693 с.

12. Шильдер, Н.К. Император Павел Первый [Текст] / Н.К. Шильдер. М.: Чарли, 1996. 544 с.

**References**

1. Anisimov E.V. (1986) Rossija v seredine XVIII v.: Borba za nasledie Petra. Moscow, 239 p. [in Rus].

2. Bojcov M.A. (1991) «Klii strashnyj glas...» // So shpagoj i fakelom: Dvorcovye perevoroty v Rossii 1725–1825. Moscow, pp. 5–20 [in Rus].

3. Veber M. (1990) Izbrannye proizvedenija: Per. s nem. / Sost., obshh. red. i poslesl. Ju.N. Davydova; Predisl. P.P. Gajdenko. Moscow, 808 p. [in Rus].

4. [Vilboa N.P.] (1991) «Iz kratkogo ocherka ili Anekdotov o zhizni knjazja Menshikova i ego detjah» N.P. Vilboa // So shpagoj i fakelom: Dvorcovye perevoroty v Rossii 1725–1825. Moscow, 590 p. [in Rus].

5. Volkova I.V., Kurukin I.V. (1995) *Voprosy istorii,* no. 5–6, pp. 40–61 [in Rus].

6. Ekaterina II. (1875) *Russkaja starina*, no. 2, p. 385 [in Rus].

7. Kurukin I.V. (2003) Jepoha «dvorskih bur»: Ocherki politicheskoj istorii poslepetrovskoj Rossii, 1725–1762 gg. Rjazan, 570 p. [in Rus].

8. Kljuchevskij V.O. (1989) Sochinenie v 9 t. T. 4. Moscow. 1989. 400 p. [in Rus].

9. Prokopovich F. (1830) Pravda voli monarshej // PSZ-1. Sankt-Peterburg, no. 4870 [in Rus].

10. Safonov M.M. (2001) Zaveshhanie Ekateriny II. Sankt-Peterburg, 312 p. [in Rus].

11. Solovev S.M. (1993) Sochinenija v 18 kn. Kn. XI. Moscow, 693 p. [in Rus].

12. Shilder N.K. (1996) Imperator Pavel Pervyj. Moscow, 544 p. [in Rus].

UDC 321.61

# PALACE COUPS AS A TOOL FOR ESTABLISHING ABSOLUTE MONARCHY IN RUSSIA IN XVIII – THE BEGINNING OF XIX CENTURIES

***Korshunova Nadezhda Vladimirovna,***
South Ural State Humanitarian Pedagogical University,
The Department of History,
Head of the Department Chair of Russian History and Law,
Doctor of History, Associate
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: korshunovanv@cspu.ru

*Annotation*
The article analyzes reasons and consequences of political conspiracies and coups in the history of Russia in XVIII – the beginning of XIX centuries. The author considers problems of loss of authority by the Supreme power during the stated period under preserving absolute monarchy. During XVIII and the beginning of XIX centuries the problem of political reforms was on the issue many times, but it wasn't solved.

*Key concepts:*
palace,
coup,
succession to the throne,
plot,
regicide,
political elite,
Peter I,
Yekaterina II,
Paul I.